

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1001683>

Синдром персонажа

Направленность: Джен

Автор: Smoren (<https://ficbook.net/authors/386238>)

Беты (редакторы): Айя-Айрен (<https://ficbook.net/authors/189258>), Инесса_Дерябина (<https://ficbook.net/authors/350832>)

Фэндом: Ориджиналы

Рейтинг: PG-13

Жанры: Фэнтези, Мистика, Повседневность, Эксперимент

Размер: планируется Макси, написано 17 страниц

Кол-во частей: 5

Статус: в процессе

Описание:

Идея данного эксперимента - в организации прямого диалога созданного персонажа и автора. В тексте ставятся вопросы о реальности существования выдуманных миров, роли демиурга в их жизнедеятельности, о возможностях путешествий между мирами, в том числе с помощью осознанных сновидений. Текст пропитан экзистенциализмом, произведена попытка отразить непрерывность потока сознания главного героя.

Посвящение:

Идейный вдохновитель - Макс Фрай, в особенности, книга "Энциклопедия мифов"

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
0. Эксперимент	3
1. Первые шаги	5
2. Состыковка	8
3. Место встречи	14
4. Между двух огней	17

0. Эксперимент

Разум расформирован и помещен в глухую камеру, наскоро созданную невероятно живым и глухим к его отголоскам воображением. Иначе нельзя. Иначе Я просто не смогу начать это повествование. Итак, разум на карантин – воображение на трибуну. За плотно закрытыми глазами постепенно растворяется цветовая гамма комнаты, продолжительный ряд всплесков свечения – остаточных элементов зрительного восприятия – играет репризу рваным ритмом угасающих взаимодействий групп нейронов. Дыхание замедляется, мышцы растекаются в единую безвольную желеобразную массу, облекая кости. Тело теряет необходимость двигаться, сознание созерцает пустоту – бездну, жаждущую напиться из неистощимого источника воображения. На то и расчет. Вскоре восприятие начинает пронизывать череда размытых образов – рандомная сортировка эйдетической памяти – необходимый и достаточный аспект для создания новых миров. Мелькающие кадры перед глазами оставляют накладывающиеся друг на друга отпечатки, которые, неравномерно исчезая, порой формируют замысловатые мозаики, подобные творениям художников-абстракционистов, но постепенно и эти мозаики выделяют вниманию ряд элементов, вполне знакомых бодрствующему сознанию.

Первым появляется окно. В его стеклах отражается свет старой рожковой люстры, вслед за ним отрисовывается и сама люстра, созданная по образу и подобию своего отражения. Окно ведет в ночь – в редкие созвездия горящих окон соседних домов и темно-багровое небо, вовсе лишенное созвездий. Свет люстры отрисовывает стены, оставляя на них еле заметные тени неровностей бледно-желтой штукатурки, темное дерево старых шкафов, уставленных книгами, небольшой и низкий черный журнальный стол, блики на гладкой поверхности бутылки дешевого вина, стоящей на нем. Мгновеньем позже пустующая часть комнаты обзаводится уютным диваном, плотно прилегающим спинкой к стене. На диване спит человек. Лицом к спинке. Он пока не готов к зрелищу формирования окружающей реальности. На журнальном столе по соседству с бутылкой теплится открытый ноутбук с развернутым в полный экран текстовым документом. Время отмеряется неспешным миганием курсора в конце последней недописанной строки. Человеку снится сон, который он непременно забудет после пробуждения. Сон о написании текста, который сейчас пишу Я. Стоит ему это вспомнить, и мир постигнет рекурсия с категорически непредвиденными последствиями, а потому рано. Я еще не закончил.

Тем не менее, мой разум начинает разрушать стены созданной для него темницы, требуя еще пива, взамен на которое он согласен смириться на добровольное отключение до наступления ближайшего утра. Почему бы и нет? Можно позволить спящему на диване человеку посмотреть сон, не целиком состоящий из моих литературных потуг – включающий в себя непредвиденные и для Меня приключения, созданные ночной прогулкой. Надеюсь, ему будет интересно.

Так, теперь серьезно. Пока разум не успел получить ни единого глотка пива сверху усвоенного, он пронзительно требует слова. Что ж, дадим. Так вот, выше и ниже написанное является своеобразным литературным и, по совместительству псевдонаучным экспериментом, цели которого будут раскрыты читателю по ходу повествования, иначе его (эксперимент – не читателя) можно будет заранее считать проваленным. Стоит отметить, что повествование, отданное в руки воображения, не

следует воспринимать хронологически линейным, так как его плоды часто склонны лишь предвосхищать реальные поступки. Так, например, начало повествования, пожалуй, в осознаваемой Мной реальности еще не случилось. Это может быть важно.

Ну вот, разум успокоился и позволил вновь запереть его в импровизированной клетке. Во время моей прогулки он истерически выдумывал логические цепочки, соединяющие поток созданного воображением восприятия с потоком, привычно воспринимаемым им как действительность. Забавно: даже сейчас он обречен на исправительные работы по организации образов в синтаксически связанные лексемы, так что ему, пожалуй, отнюдь не скучно в заточении. Надеюсь, научится чему-нибудь. Сквозь скрежет зубов можно даже разобрать фразу: “Мне интересно”. Засим обратное погружение.

Человек, спящий на диване, ворочается, лицо его оказывается обращенным к люстре. Оттенки света, окрашенного в красный цвет сквозь фильтр закрытых век, требуют немедленного пробуждения. Он просыпается, и головная боль немедленно проливает беспощадный водопад на тлеющие угли воспоминаний о сне, что он видел мгновение назад. Водяной пар вперемешку с дымом отдается в сознании похмельной одурью, а разум требует немедленной анестезии цитрамоном, что на кухне – за десять световых лет от дивана, не меньше. Он медленно, щадя голову, поднимается, преодолевает коридор и запивает наскоро выдавленную из упаковки пилюлю прямо из горлышка вечность назад остывшего чайника – иначе никак. До полки с кружками еще пара световых лет, а ему и десятка хватило.

Кухня прорисовывается практически у него на глазах – благо, в таком состоянии он и сам готов впустить подобное в рамки норм будничности похмельного утра. Светает. На часах без пятнадцати шесть. Три стены довольно равномерно освещены рассеянным светом. Четвертая, взамен на присутствующее в ней окно, остается темной. Упаковка таблеток обретается на старом белом кухонном столе из ДСП, окруженном табуретками и стеной, что слева от окна. Ближе ко входу обнаруживается холодильник, у противоположной стены располагается раковина и множество кухонной мебели, по большей части не используемой. Очертания знакомой кухни его мало волнуют, а потому он возвращается в комнату, выключает, наконец, оставленный с прошлой ночи свет и отправляется спать дальше. Здесь Мне стоит, пожалуй, оставить его в покое и дать досмотреть пару самых обычных снов, которые и вспоминать не страшно. Мне и самому давно спать пора.

1. Первые шаги

Пряный запах горелой травы, орущие вдалеке голоса гуляющей сельской молодежи, пение птиц, прохладный ночной ветер и почему-то экран монитора с текстовым документом – вот все, что он оставил при себе, перебирая память о сновиденной жизни. Еще он смутно помнил, что прожил во сне не один день – никак не меньше недели – это как минимум, но увы – вся ретроспектива осталась за гранью доступной ему памяти. Он любил сны. Больше женщин и пива, как он бы сказал, но лично Я в этом пока не уверен. Он уделял последним куда больше внимания, а с такими загонами сложно отвести снам должное время.

Проговорив про себя выше написанный абзац как акт самобичевания, он поднялся с дивана и пошел в душ. Холодные струи воды быстро привели его в порядок. “Сегодня выходной”, - подумал он, - “Так что можно себе позволить ни о чем не париться еще один день”. Но интерьер холодильника и скудная наличность в кармане куртки кардинально изменили его планы.

Он спешно запихнул гитару в чехол, оделся и вышел из дома, надеясь заработать немного денег на Арбате – благо, погода к этому располагала. На стрите он играл только свои песни, так что не рассчитывал на крупный заработок, к тому же все знакомые аскеры, как оказалось, были заняты, так что оставалось рассчитывать только на драйв, который он вкладывал в исполнение каждой песни, если та ему нравилась. Минуты в метро не оставили в его памяти ни толики значимых ощущений, зато Арбат тут же одарил массой впечатлений: все переходы были заняты, а местные завсегдатаи все как один были полны негатива к внеплановым коллегам. К счастью, самый адекватный из них согласился разбить деньги на пополам, если получится годно снабдить его музыку соло на гитаре и бэк-вокалом. Проблем с этим не возникло, так что через час появилась возможность свалить, имея при себе пару сотен рублей.

Домой ехать не хотелось – в меру жаркий солнечный день располагал к прогулке. Недолго думая, он погрузился в метро и отдал себя на съедение подъехавшей гремющей гусенице с стеклянно-металлическим экзоскелетом и толчеей биомассы внутри. Стоя у двери, он бездумно и полукритически рассматривал свое отражение в стекле: узкое худое лицо небрежно обрамляли хаотичного нрава светло-русые волнящиеся волосы, острый недлинный нос разделял узко посаженные карие глаза, ютящиеся за стеклами узких очков в тонкой металлической оправе, чуть впалые щеки выделяли скулы... “Нездоровый вид”, – подумал он и улыбнулся своему отражению. Улыбка получилась усталой, но вполне добродушной. Еще несколько станций промелькнули, минуя его внимание.

Когда солнечный свет ворвался в окна вагона, а внизу – под мостом – замелькала вода Москвы-реки, его разум возликовал: он любил это место более всех прочих в столице. Он практически бегом преодолел футуристичный мост станции и оказался на улице. Его взгляд рисовал перед ним массивы деревьев, покрывшие молодой майской листвой холмы, между которыми неторопливо текла зелено-бурая московская вода. Людей было много – это, конечно, неприятный момент, но смириться можно. Он сразу поднялся на холм и пошел по тропинке между деревьев. Старые черные кроссовки хрустели прошлогодней сухой травой и мелкими ветками, на джинсовой куртке то здесь, то там обретались местные инсектоиды, уши пронизывал птичий щебет. Сворачивая с тропинки

на тропинку, он словно шел по заранее рассчитанному маршруту, хотя никаких конкретных планов достижения некой точки “В” у него не было, так что для школьных учебников математики его случай не подходил. Разве что для углубленной теории вероятности. Или прикладной магии предсказаний. Или...

Открывшийся за очередным подъемом вид оторвал его от рассуждений: он увидел высокий каменный светло-серый обелиск, стоящий квадратным основанием на каменной же площадке, с двух сторон окруженной округлой стеной высотой около двух метров. Надписей ни на обелиске, ни на стене видно не было, зато на последней значился темный барельеф, изображающий два человеческих лица с вдохновенными выражениями. Вокруг было тихо – затихли слышимые раньше человеческие голоса, даже птицы куда-то подевались.

...или прикладной магии. Да. Раньше он никогда не наткнулся на это сооружение, хотя за годы жизни в Москве он успел хорошо изучить окрестности Воробьевых Гор, так что его удивление круто нарастало. Он перебирал в голове путь, который привел его сюда, но поворот за поворотом память теряла целостность, рассыпаясь искрами отдельных мелочей. В конце концов, сказав себе, что следует больше внимания уделять маршрутам собственного перемещения в пространстве, он смирился и стал рассматривать окрестности. Сначала обошел обелиск – он представлял из себя высокий столб, две противоположные из четырех сторон его геометрической фигуры имели волнообразную форму, что эффектно выделяло его на фоне собратьев по статусу. Потом прошелся туда-сюда по площадке, погладил руками шероховатые каменные стены, затем осмотрел окружающую флору, как будто намеренно скрывающую рукотворное чудо от глаз гуляющих по территории людей. Место ему нравилось. Определенно. Он расчехлил гитару и взял пару аккордов. Звук разливался по воздуху с едва заметной задержкой – так ему показалось. Он перебрал блюзовую пентатонику и начал неспешно импровизировать, обходя ноту за нотой причудливыми мордентами. Секвенция вниз, секвенция вверх, немного испанской приبلуды. Постепенно внутренний диалог отключался, а его место занимала пронизывающая сознание неконтролируемая импровизация. Отголоски разума доносились в его голове удивленным шепотом: “Я же не могу так играть... Как же так?” Но вскоре и они стихли под напором льющегося потока звуков истекающей в экстазе гитары. Руки делали свое дело, минуя моторные команды мозга. Он был не в силах контролировать спонтанный выброс звука в пространство. Временами ему казалось, что обелиск резонирует с воспроизводимой им музыкой. Окружающий мир приходил в движение, отмеряя чуть заметным дыханием такт за тактом...

Он очнулся, когда последний звук затих в жерле деки гитары, память отказывалась воспроизводить последние n минут (или часов?) Он все еще сидел на чехле перед обелиском, держа руки на теле гитары. Та отражала черной глянцевой поверхностью неумолимо клонящееся к закату солнце. И тут на него всем скопом нахлынули вполне бытовые телесные ощущения, которых он был практически лишен миг назад. Первым обдал голод. Вспомнив, что так и не поел с утра, он спешно обшарил карманы и обнаружил пару сотен, заработанных сегодня на Арбате. Нужно было двигаться домой. Зачехлив гитару, он быстрым шагом покинул насиженное место, шелест травы и прошлогодней листвы тут же остро приправился пьяными голосами где-то у реки, сквозь этот аккомпанемент пробивалось соло щебечущих птиц.

Лестница, стеклянные двери метро, турникет, лестница, двери поезда, гул в тоннеле – поток мыслей заставил его пропустить эти ощущения на автопилоте. Экзистенциальное переживание текущего вечера будоражило его разум, неспособный логически обосновать произошедшее. Пересадка, снова гул... наушники, плеер. Гул затих, отделенный резиновой массой, направляющей в его уши звуки песни Пикника “Королевство Кривых”. То что надо.

- Станция Менделеевская, – почему-то проговорил он про себя, увидев знакомые сети подражающих молекулам светильников. Пару минут спустя он уже выходил из подземки в тлеющий вечерними огнями город. Небо еще не успело угаснуть, но цивилизация уже гордо превосходила его собственным свечением. По дороге домой он зашел в магазин, купил упаковкупельменей и пару банок пива, решив, что на трезвую голову заснуть сегодня будет сложно. Ключ от домофона сработал с третьего раза, лифт почему-то не торопился открывать перед ним свои автоматические двери. Зайдя, наконец, в квартиру и откупорив банку пива, он переместился на кухню и наскоро сделал себе ужин. Загнав в желудок чуть ли не двойную порцию, он неожиданно почувствовал категорически настроенное желание лечь спать. Он даже не удосужился допить початое пиво, разобрал кровать, выключил свет и, найдя головой подушку, практически мгновенно отрубился.

2. Состыковка

Проснувшись, он сладко, до легкой боли в суставах, потянулся, повернулся на бок, и, спустя мгновение, его глаза отрисовали смутно знакомый ноутбук на столе. Мигающий в размеренном ожидании ввода курсор в открытом текстовом документе в момент прогнал все сновиденные воспоминания, обратив все внимание на текст. Он в упор не помнил, как и когда набирал его – казалось, ноутбук перед его кроватью успел отмерять курсором целую вечность. Логика подсказывала, что прочитать текст – наиболее стоящая идея, способная помочь немного прояснить ситуацию. Итак...

“А Ты знаешь, что придумать тему для сказки очень просто? Ведь в сказку можно превратить практически любое повествование, поставив в его основу аксиому о существовании чудес и прогнав за дверь наглых зверьков-обоснуев, притаившихся во ртах самодовольных критиков. У сказки своя система координат. Точнее, система координат сказителя, или, скорее, его душевного состояния, поэтому критики идут лесом. Волшебным, где их внутриволостные питомцы, вопреки названию, не смогут обосновать факт своего существования и превратятся в кого-нибудь другого. Ведь состояние души – штука нестабильная. Лимит выходной функции по времени при константном входе в бесконечность уходит, видите ли.

Так вот, придумать тему для сказки очень просто. Вот смотри: Я хочу, чтобы Ты рассказала Мне сказку об одиноком программисте. Что, у Тебя нет идей? Ну как же? Можно рассказать о том, как программисту приснился его старый недописанный проект и попросил его дописать, а когда он, проснувшись, забил на этот сон, на компьютере каждую полночь начали исчезать его текущие наработки. А еще можно придумать сказку о том, как программист от одиночества подружился с вирусом, оценив по достоинству виртуозность и находчивость его автора. Так этот вирус, взамен на сохраненную ему намагниченную жизнь на жестком диске и полный доступ к сети, стал таскать с компов девушек, которые программисту могли бы понравиться, всякую полезную информацию и незаметно подкидывать ему на рабочий стол в текстовом файле: например, на какое кино она искала билеты вчера, но так и не нашла подходящего времени и места просмотра, над какой лабой по информационным системам в экономике для института она тщательно бьется третий день. А он, оказывается, на прошлой работе эту программу до ума доводил. А еще можно рассказать про беседу программиста с его кактусом. Им всегда было о чем поговорить – у них так много общего, ведь оба они выросли перед компьютером. Иногда программисту казалось, что он сходит с ума, но кактус его успокаивал и советовал побольше спать по ночам.

Ты смеешься и рассказываешь Мне сказку про программиста и его питомца – хамелеона, который замаскировался на клавиатуре, да так, что программист его два дня не мог найти. Классная сказка, только программиста жалко. Как почему? От него ведь девушка в итоге ушла... Так тем более жалко, раз она у него дура была. Ну да, чего ж хамелеона пугаться?

А Ты знаешь, что можно рассказать сказку про любой предмет и зеркало? Совершенно про любой. Вот смотри: как-то Любой Предмет решил посмотреть в зеркало – захотелось ему стать предметом определенным, познать себя наконец, ну и все такое. Подошел он к зеркалу, а зеркало на него посмотрело, и не смогло понять, как его

отражать: все предметы как предметы - и назвать можно, и описать. А тут ситуация нелинейная. Смутилось зеркало размытым пятном на месте отражения Любого Предмета - нельзя же его совсем проигнорировать, сказав, что, дескать, прозрачный он как воздух - ведь и обидеться может. Стал Любой Предмет в это пятно вглядываться, ища очертания и цвета в неопределенной, как мазки импрессиониста вблизи, размытой гуще отражения, а зеркало этим самым отражением в него вглядывалось - с той же, в принципе, целью. И проникали они своими взглядами друг в друга все глубже и глубже, пока между ними не прошел человек и не увидел себя в бесконечном коридоре отражений. И понял тогда Любой Предмет, что он - тоже зеркало и может отразить своей сущностью кого угодно. И это, наверное, чудесно”

Дочитав, он рефлекторно поставил точку в конце последней строки. Нижняя панелька редактора мелькнула прогресс-баром автосохранения, как бы одобряя его действие. Прочтение текста мало того, что не дало ответов на возникшие в голове вопросы, так еще и породило новые – один другого заковыристее. С одной стороны, он так и не смог вспомнить, как набирал этот текст, тем не менее, в процессе прочтения его память местами успешно опережала глаза, бегущие по лезвиям строк, натирая озадаченный разум на терке этого невозможного массива символов. Более того, процесс добивал несчастного обрывками то ли сновиденной памяти, то ли фантазий многолетней выдержки и порядочной крепости, забытых на запылившихся полках воспоминаний о подростковых идеях и мечтах. Кажется, в детстве он хотел стать сказочником – сейчас он не был уверен, имеют ли эти воспоминания под собой опору реальных событий и ощущений, или являются лишь отголосками “альтернативной” памяти, порожденной сновидением. Позже, где-то в десятом классе, он твердо решил, что свяжет свою жизнь с компьютерными технологиями, но к концу одиннадцатого успел несколько охладеть к программированию, остановив внимание на администрировании серверов. Так как направление дальнейшего обучения уже было выбрано, он без особого рвения – скорей для галочки – проучился в университете три с половиной года и, вовсе утратив интерес к учебе, покинул одновременно универ, родительский дом и число безработных граждан страны.

Все эти подробности возникали в сознании сквозь плотную прослойку тумана, местами он вовсе не мог идентифицировать их со своей жизнью, но других не было, так что приходилось мириться.

Телефонный звонок отвлек его от размышлений о прошлом. На экране – Алена Свирина – штурм памяти – совпадение! Две тысячи девятый год. Музыкальный Форум. Три года интернет общения на отвлеченные темы. Еще месяца три регулярных встреч “на стрите”. Неплохой вокал и амбиции заправского аскера. Светло-рыжие волнистые волосы. Лицо с веснушками и вечной улыбкой... Сессия. Дела. Нет времени встретиться. Нет звонков. Нет встреч. Год? Два? Не суть. Много. Надо взять трубку.

- Вик! Ты? Ты извини - сколько лет, сколько зим - у Меня дела были, не было времени связаться, а потом как-то позабылось, извини – ну бывает – как вспомнила – сама охренела – как можно было о тебе забыть? В общем, я тут и очень рада, что сходу дозвонилась!

Точно. Рваные фразы. Многократные извинения по поводу и без. Чуть звенящий голос и тонны позитива на любую невинную жертву, ставшую целью ее монолога. То что надо!

- А уж как я-то рад! Не каждый день такое счастье мне на голову валится!

Действительно странно как-то мы с тобой потерялись. Даже боюсь спросить, что у тебя нового с тех пор приключилось. Тем не менее, услышать твой рассказ страх как интересно.

- Все потом! Ты же свободен сегодня? Давай встретимся! Я как раз в центре сейчас.

- Ты не представляешь, как ты сегодня вовремя! Я действительно свободен, и одиночество мне сейчас ой как вредно. Так что я готов потащить свою задницу хоть на край света, чтобы поговорить с тобой!

- Я на Чистых Прудах. Приехала в инст по поводу диплома, а научрука нет как нет. И не ожидается. Приедешь?

- Да без проблем. Давай через час. Приведу себя в порядок, поем...

- Холодный душ, пол упаковки пельменей и невозможной крепости кофе?

- Точно! И как догадалась?

- Забудешь тут, когда чуть ли не через встречу ночевать оставалась. Что-что, а твой утренний рацион сложно забыть. Еще меня чуть не приучил!

- Ладно-ладно, каюсь, сожалею, обтекаю! Короче, через час у памятника.

- Заметано!

Отбой. Жаль, мобильный телефон не приучен выдавать короткие гудки после окончания разговора – они неплохо способствуют смакованию послевкусия, оставленного беседой. Придется вспоминать приятное в одиночку.

Действительно, совместное творчество на Арбате и других значных площадках Москвы довольно скоро переросло в посиделки на хате, вино и две тлеющие сигареты, покрывающие дымом обнаженные обессиленные тела. С утра я просыпался немного раньше нее, аккуратно выбирался из теплых сонных объятий и готовил стандартный пакет. Конечно, она его помнила. Утренние посиделки, употребление завтрака и разъезд по институтам. Удивительно, как такое могло прекратиться в обход ссор, разборов полетов, падений и прочей скорлупы, из которой на закате отношений вылупляется новая жизнь – каждому своя... Впрочем, о каких отношениях может идти речь? Мы никогда не обсуждали этот вроде бы насущный вопрос. Все шло как-то само-собой и никто не удосужился заняться расстановкой статусов. Логично. Ну и славно. Нет причин чувствовать себя неудобно при встрече...

Стандартный пакет он реализовал и употребил с дотошностью заправского педанта – приятные воспоминания требовали настоящего ритуала. Удовлетворив телесные и душевные потребности, он неожиданно обратил внимание на собственное отражение в зеркале прихожей. Не брился он несколько дней, так что успел нагулять ощутимую растительность на лице. Еще минут пятнадцать он потратил на приведение в порядок морды лица, после чего, наконец, вышел из дома и направил шаги в сторону метро. В график он укладывался, так что торопиться было некуда.

Утро стремительно растворялось на часовой стрелке, неумолимо подползавшей к десяти, но туман, как ни странно, не спешил рассеиваться, и улицы зияли отсутствием будничного ритма потоков людей. Суббота. Никто никуда не спешит. Кроме, разве что, студентов, волею судьбы обреченных грызть гранит науки по шесть дней в неделю. Хоть бы запить дали чем. Ну да ладно. Не мне судить. Куда интересней разглядывать подворотни, когда те одержимы туманом и отголосками ночных приключений, кажущихся незавершенными, недовысветленными, а, значит, и недоосуществленными, проходить мимо них – они и сами справятся, приведут себя в форму – исчезнут, материализуя

стандартный городской пейзаж к моменту выползания человеческих существ из уютных коконов квартир.

Пустоты столичной подземки с радостью голодного зверя принимают его в свои покои, наполняя уши гулкими звуками шагов под аккомпанемент жужжащего эскалатора. Встав на его ступеньку, Вик позволил телу расслабиться, и только необходимость время от времени переставлять руку на уезжающем вперед поручне отвлекала его от сформировавшегося в сознании медитативного состояния. Зайдя в пустой вагон в конце состава, он облюбовал сидение в углу салона и помимо своей воли погрузился в дремоту...

...Я сижу на лавочке между гаражами и каким-то зданием, напоминающим торговый центр, судя по всему, обращенный фасадом в противоположную сторону. Рядом сидят две девушки, с которыми я общаюсь с оживленностью несчастного человека, жалующегося друзьям на жизнь...

- Станция Комсомольская – вежливо разбудил его голос из динамиков вагона. Он спешно вышел и двинулся в сторону перехода на красную ветку, по дороге бездумно восстанавливая в памяти события неожиданного сновидения.

- ... это что-то не настоящее, это не то, что мне нужно...

Мы возвращались домой с одной из подруг – в какой-то двор спального района Москвы – она жила в моем подъезде. Перед этим я зачем-то падал другой на руки, закрыв глаза и скрестив руки на груди – вроде есть такой психологический тренинг на тему доверия к людям. Было совсем не страшно, и это почему-то было неприятно. Хотелось неопределенности, но разум не позволял предположить, что я окажусь не пойманным... А потом мы зачем-то устроили диалог ладонями, вода из стороны в сторону и надавливая выставленными перед собой руками на ладони партнера с целью вытолкнуть из начерченного веткой на земле круга. Она сказала, что мои движения говорят о неумении вести равноправный диалог, о привычке давить на собеседника...

Больше ничего вспомнить не удалось. На автопилоте он добрался до Чистых прудов и обнаружил себя уже на лестнице с высокими ступенями, ведущими в город. Алена стояла неподалеку от выхода. Она была одета в довольно короткое белое платье, на ногах – сандалии без каблуков, волосы – привычно распущены. Завидев его, она рванулась с места и спустя пару секунд оказалась в его объятьях. Волны ее звонкого радостного голоса сквозь порывы учащенного дыхания, копна волос, щекочущих его нос – она была ниже его на пол головы – и тепло ее тела опьянили его сознание. Постепенно приходя в себя, он будто бы заново учился воспринимать и распознавать речь.

- ... представляешь, я всегда думала, что последний курс института – это когда ты приходишь в него раз-два в неделю, а остальное время занимаешься своими делами. Шиш с маслом – с этим дипломом приходится сидеть там почти безвылазно! И работа еще съедает тучу времени - о друзьях почти забыла, что уж говорить о стрите! Только по доброй памяти кину – бывает – местным музыкантам мелочь, да постою – послушаю, что играют. Иногда даже подпою, если в тему. Так! Стоп! Что это все я да я? Расскажи, как ты живешь!

- Я? А что я? Ушел из универа – надоело изучать технологии позапрошлого века. Сам по

мануалам разобрался со всем необходимым и устроился работать системным администратором. Работенка не пыльная – сетка не падает, нововведений мало – знай себе – следи за тем, чтобы все работало да получай свои гроши. На стрит иногда выхожу, в основном, когда денег совсем нет. В общем-то, и рассказывать больше нечего. Разве что сны в последнее время странные какие-то...

- Сны, говоришь? Слушай, у меня тоже! Я тут прошлым летом на досуге зачиталась Стивеном Лабержем – чувак такой, психолог, изучает феномен осознанных сновидений. Мне его подруга посоветовала. Так вот, как стала я читать его книгу – тут же поперли осознанники! Сначала на руки во сне смотрела – они там расплывчатые какие-то, что пальцы не пересчитать, а позже и вовсе проверки не понадобились – просто почти в каждом сне знала, что я – во сне. Потом опять закрутилась с учебой, устроилась на работу, и снов стало меньше. А позавчера мне приснился ты. И, знаешь, ты был как будто центром всей вселенной, из твоей груди лился свет и наполнял жизнью окружающий мир. И тогда я почему-то поняла, что мне пора родиться... и проснулась. Вот же ж бред! Два дня мне этот сон покоя не давал, все думала – надо тебе позвонить – проведать, как ты – но не решалась, руки не доходили. А сегодня под утро ты снова приснился, а за твоей спиной стоял какой-то чувак с размытым лицом. Я, если честно, до смерти за тебя перепугалась, хотя в толкование снов никогда не верила! И руки сами потянулись набрать твой номер.

Резко наступившее молчание отрезвило внимание Вика, и он обнаружил, что, держа друг друга за руки, они давно оставили позади вход в метро и идут сейчас по бульвару мимо прудов, в честь которых и была названа станция. Летнее солнце начинало припекать, редкие утренние посетители парка ютились на скамейках в тени деревьев, гулками ударами сотрясал землю проезжающий трамвай, на деревьях пели птицы. “Идиллия, - подумал он, - как же я раньше мог без этого обходиться?”

- Ты так ничего и не сказал о своих снах! Колись давай, а то мне уже реально страшно! - зарубила она на корню его внутренний диалог.

- Да, точно! Сны... Мне кажется, что в некоторых своих снах я нахожусь в шкуре другого человека. Причем действует он вроде сам по себе, а я лишь наблюдаю за происходящим его глазами, испытываю его ощущения... А еще мне вспоминается экран монитора ноута, на котором открыт документ LibreOffice с каким-то текстом – кажется, тот чувак в нем что-то набирал. Не могу вспомнить, что...

- Слушай, это все совсем странно! Я видела тебя с кем-то безлицым за спиной, а ты говоришь, что во сне смотришь глазами другого человека! Уж не вселился ли в тебя демон? - она неуверенно прыснула, пытаясь скрыть свое беспокойство за невинной шуткой.

- Как по мне, скорей уж я в кого-то вселился... Ладно, забей. Не хочу сейчас думать об этом.

Довольно продолжительное время они шли молча. Вик смотрел на Алёну и перебирал в памяти проведенные вместе с ней дни и ночи. Воспоминания мешались и наслаивались друг на друга, но ему было все равно: общим стержнем бессменно оставался ее облик.

- Смотри! - вдруг сказала она, резко направив руку налево.

Там обреталась невысокая арка, ведущая в один из старых жилых дворов московского центра.

- Да нет же! Смотри на стену за мусоркой! - она рванула его за руку и протащила сквозь арку во двор.

Прежде чем Вик успел обратить внимание на то, что пыталась показать ему Алёна, он

ощутил пронизывающую пространство размеренную тишину, обволакивающую этот двор. Никакого гула оживленной улицы, с которой они только что свернули – только тихий шелест деревьев да звук шагов, отражающийся чуть слышным эхом от стен дома. И тут он увидел рисунок. Он представлял из себя арку, нарисованную алой и белой краской на старом кирпиче стены. Полуокружность ее верхней части поддерживали две дорические колонны с нарисованными на них вертикальными белыми углублениями. В остальном белый цвет лишь обводил контуры элементов конструкции и указывал на их объемность. Над аркой белой краской были выведены пять символов, отдаленно напоминающих буквы. От остального мира эта красная “дверь в стене” была отделена обычным мусорным контейнером, отталкивающим взгляды от этого участка пространства. Мимо прошел мужчина средних лет в шортах и футболке, и, не обратив никакого внимания на рисунок, покинул двор.

- О-фи-геть! - Алена нарушила тишину, - вот это да!

Она стояла и смотрела на рисунок, не отрывая от него взгляда.

- Все чудесатее и чудесатее, - отозвался Вик, продолжая разглядывать “дверь”.

Простояв еще несколько секунд, он медленно направился к рисунку, обходя мусорный контейнер, и с каждым шагом чувствовал, что сознание его помутняется, расслаивается и рассыпается белыми искрами в глазах. По коже проходили волны мурашек, а изнутри тело чувствовало необъяснимое воодушевление, потоком проливающееся через его ноги и руки в голову и вытекающее через макушку под сильным напором. Он закрыл глаза, и его восприятие наполнилось мелькающими визуальными образами, ему казалось, что он летит через червоточину в пространстве-времени. Он вытянул перед собой руку, коснулся арки и...

3. Место встречи

Он пришел в себя, собирая осколки эхо голоса, отражающиеся от стен какого-то актового зала.

- ...отсюда я делаю очередной пресловутый, но не лишенный некоторой логики вывод: когда мы читаем достаточно интересную нам книгу, мы позволяем ее автору не просто передать нам историю ее героев, их переживания и измышления – мы сами начинаем чувствовать себя непосредственными участниками этого повествования, пропуская сквозь себя облаченную в слова вселенную, проникая в нее и начиная рассуждать и действовать в плоскости ее законов, позволяя таким образом автору писать нас самих...

Зал выглядел заброшенным. Его деревянные стены, стилизованные под бежево-коричневую шахматную доску, выглядели обшарпанными, многие “клетки” вовсе отсутствовали, обнажая металлический скелет конструкции. Большинство стекол в немногочисленных окнах было выбито, крыша напоминала своим уцелевшим каркасом грудную клетку огромного древнего ящера. В зрительной части зала были рассыпаны бордовые спинки стульев в перемешку с прочим хламом. На них сидела компания человек из пятнадцати, увлеченно наблюдающая за происходящим на засыпанной мелким мусором сцене, на которой стоял обладатель голоса, наполняющего этот памятник декаданса раскатистым напряжением воздуха.

- ...более того, я считаю, что именно читатель – главный герой любой книги, потому что без него любая написанная автором вселенная остается всего лишь набором символов, неспособных к саморасшифровке.

В зале повисло молчание, через мгновение сменившееся аплодисментами. Выступающий чуть наклонил голову в знак благодарности и, дождавшись тишины в зале, закончил свою речь словами:

- Полагаю, теперь можно перейти к неформальной части нашей встречи, пообщавшись между собой, а заодно познакомившись с нашим неожиданным гостем, который небезуспешно пропустил почти всю официальную лабуду – а, значит, пришел как раз вовремя.

Лица некоторых зрителей обратились в сторону Вика, стоящего в распахнутых дверях актового зала, располагающихся в правой его стене. Смутьившись, он сделал несколько неуверенных шагов в сторону зрителей. Те начали, увлеченно переговариваясь, подниматься с насиженных мест, а оратор, первым обративший на Вика внимание, в несколько легких прыжков преодолел ведущую со сцены лестницу и первым подошел к нему, с улыбкой протянув руку.

- Я – Стас. Рад приветствовать тебя на нашем семинаре!

- Вик, - он пожал протянутую ему руку, - окончание вашей речи было очень интересным – жаль, что мне не удалось послушать ее целиком.

- Брось! Ты услышал ровно столько, чтобы не заскучать. Каждый приходит сюда ровно в тот момент, когда это становится необходимым. И, пожалуйста, давай без лишнего официоза! У нас тут атмосфера полнейшей фамильярности.

- О'кей. Тогда, быть может, мне кто-нибудь объяснит, как я сюда попал и почему это стало для меня необходимым?

- Без проблем, - ответил Стас, - ты попал на сновиденную встречу. Все мы познакомились друг с другом в процессе занятия осознанными сновидениями. Судя по выражению твоего лица, ты в этом деле явно новенький. Но это не страшно. Здесь мы обмениваемся опытом, рассуждаем на всякие философские темы и просто общаемся. Не пугайся: через некоторое время ты беспрепятственно проснешься и будешь жить дальше в свое удовольствие. Кроме того, управляя сном, ты сможешь вновь и вновь посещать это место, когда тебе это заблагорассудится. Практика показывает, что никто еще не приходил сюда невовремя. Уверен, и в этот раз для твоего появления существовала насущная потребность. А уж какая – с этим разбираться только тебе самому.

- Все это, конечно, странно и невероятно, но спасибо за разъяснения. Лучше понимать хоть что-то, нежели вовсе ничего.

- You're welcome!

Тут Вик обнаружил, что давешние зрители окружили их со Стасом и с интересом слушают их диалог. Из компании выделилась девушка с темно-красными недлинными волосами и утонченным греческим профилем, пирсингом в носу и губах, одетая в черную свободную футболку с каким-то неформальным принтом и обтягивающие черные брюки, демонстрирующие красивую форму ее ног. Подойдя ближе, она представилась:

- Меня зовут Сим. В нашей компании я, как правило, занимаюсь новенькими, так что со всеми остальными вопросами можешь смело обращаться ко мне. Я на этом не одну собаку съела – корейцы, наверное, были бы готовы без всяких проблем удостоить меня гражданства своей страны.

Стас усмехнулся.

- Да, пожалуй, - он обратился к Вику, - Сим лучше других сможет помочь тебе здесь освоиться. Думаю, вопросы у тебя еще остались.

- Хорошо, - только и успел ответить Вик, увлекаемый девушкой за руку прочь от остальной компании по направлению к дверям зала.

Оказавшись снаружи, он окунулся в среду зрительного восприятия всех оттенков зеленого цвета. Зброшенный зал окружала лесистая местность, сквозь деревья и высокую траву проглядывали другие полуразрушенные деревянные здания.

- Прекрасное местечко – не правда ли? - сказала она, продолжая увлекать Вика прочь от здания зала.

- Да, весьма живописно. Кстати, а где мы конкретно? Я имею ввиду, есть ли такое место на земле, или оно полностью выдуманно?

- Ты знаешь, этот вопрос имеет более одного ответа. Попробую объяснить доступно. Некоторые из нас пытались наладить друг с другом контакт в реальном мире: у одних это получалось беспрепятственно, другие же сталкивались с полным провалом: даже если и удавалось вынести телефон, имэйл или адрес собеседника из сна, связаться с ним наяву никак не получалось: по телефону отвечал незнакомый голос и утверждал, что никто с таким именем там не живет, с электронной почты не приходило ответа, а дома по нужному адресу иногда и вовсе не оказывалось. Мы делились друг с другом подобным опытом, пытались списывать его на ошибки памяти, но повторные попытки приводили к тому же самому результату, так что мы сделали вывод, что объяснить всю эту неурядицу может только теория параллельных вселенных, пересечение которых происходит в наших сновидениях. Никто из нас никогда не бывал в этом месте наяву, но Стас говорит, что оно должно находиться где-то в Московской области в районе Можайска. Именно ему оно приснилось изначально, но попытки съездить туда и найти его ни разу не

увенчались успехом. Тем не менее, оно полюбилось нашей компании, и мы стали собираться здесь во снах.

- А откуда он узнал, что это место находится именно в тех краях?

- Он и сам не знает. Просто, впервые попав сюда во сне, он почему-то знал, что находится именно в Можайске. Точнее, неподалеку от него.

- Может быть, он просто ошибся?

- Кто знает, может, и так. Но разузнать что-либо еще никому из нас не удалось.

- Кстати, а как мне проснуться? - Вик вдруг осознал, что не на шутку увлекся происходящим и вовсе не может отличить его от реальности, - Не то, чтобы я собирался прямо сейчас просыпаться, но... - он замялся.

- Да, точно! Думаю, что все-таки хватит с тебя на этот раз. Не хочу показаться негостеприимной, но, уверена, ты еще не раз заявишься сюда при желании. А сейчас ты начинаешь увлекаться и терять внимание, а это может привести к тому, что ты забудешь этот сон, и тогда нет гарантий, что мы сможем увидеться снова.

Она снова схватила его за руку и потащила обратно к актовому залу. Оказавшись в нескольких метрах у распахнутой наружу двойной двери, белые створки которой были прижаты к обшарпанным стенам, они остановились. Сознание Вика начало помутнеться, и он с трудом воспринимал процесс происходящего, но Сим одернула его за руку и сказала:

- Смотри! Это проверенный временем вход и выход. Достаточно сосредоточить на нем внимание, и ты сможешь как засыпать в это место, так и просыпаться из него. Не забывай о нем. Удачи!

Деревянные, покрашенные в белый цвет двери были нецелыми: в их прямоугольниках зияли дыры отсутствующих досок. На правой створке синей краской было написано "подсоз", левая же, продолжая незаконченное слово со второй половины буквы "з", носила на себе слово "знание". За дверями значился полумрак интерьера. Изображение постепенно расплывалось, память отказывалась фиксировать дальнейшие переживания... и он проснулся.

4. Между двух огней

- ...Вик! Ну давай же! - он приходил в чувства под рваный ритм легких пощечин, наносимых холодными влажными руками.

Тут он почувствовал, что находится в полулежачем положении, обмякнув на жесткой деревянной скамейке. От неожиданности он резко распахнул чуть открытые мгновение назад глаза и дернулся куда-то вверх и вперед, принимая сидячую позу.

- Что?... - вскрикнул он, не понимая еще толком, кому и в каком контексте задает этот вопрос, - А?.. Алена?.. Что произошло? - он не без труда концентрировал медленно собирающееся по кусочкам внимание на стоящей рядом девушке. Было заметно, что она сильно взволнована.

- Ты очнулся! Наконец-то! Пошли скорей отсюда! - она схватила его за руку и резким движением заставила покинуть плоскость скамейки – собственная воля ждала сборки в очереди за вниманием, так что он послушно совершал поступательные движения по вектору движущей силы. Некоторое время ушло у Вика на то, чтобы привести восприятие к доступному разуму виду.

- Куда мы идем?.. Почему так торопимся?.. И что вообще случилось?.. - вернулся к нему дар речи; из-за возникшей одышки приходилось делать паузы после каждого вопроса.

- Если б я знала, Вик! Ты там вырубился – я тебя еле до скамейки доволокла. По-хорошему, надо было сразу тебя из двора вон тащить – но куда бы я там тебя положила – черт знает!.. - ее дыхание от быстрого шага тоже сбивалось.

Еще несколько секунд она хватала ртом воздух, затем продолжила:

- Но я почему-то была уверена – там тебе оставаться нельзя! Звучит глупо, но мне казалось, что ты начинаешь исчезать. Нет, не как в фильмах с этой прозрачностью – просто было чувство, что с каждым моментом в тебе все меньше тебя! - она сделала акцент на последнем слове.

На этом чаша терпения разума была переполнена градом странностей и их мистических интерпретаций.

- Хватит! Стой! - он дернул ее руку, чуть не выведя девушку из равновесия, и машинально сжал пальцы на ее ладони – было заметно, как она поморщилась от боли. Слова буквально врезались в пространство, полоснув ее слух, - Мне надоело ни черта не понимать! Хотел прогуляться с тобой, нервы в порядок привести – а в итоге – хоть в психушку ложись!

Тут он заметил, что на глаза Алены наворачиваются слезы, а лицо, исказившись, предвещает неминуемое их излияние. На нем предельно четко читалась отвергнутая забота и остро переживаемая несправедливость. Этот оттиск, беспощадно впившись в сознание Вика, мгновенно усмирил его разбушевавшийся разум – он сделал шаг в ее сторону, прижал ее к себе и долго бездумно наблюдал ее ритмично подергивающиеся плечи.

Дальше все снова было как в тумане: вроде бы она успокоилась, вроде, продолжив гулять, они, в конце концов, наткнулись на какое-то метро, вроде бы вышли на Менделеевской...

- Будешь? - он протянул ей сигарету, в процессе ощутив на руке легкий ветерок из открытой форточки. На кухне царил полумрак – еще не достаточный, чтобы разбавлять его приторным электрическим светом – как раз вполне расслабляющий и располагающий

к негромкому диалогу в процессе употребления никотина.

- Ты знаешь, а я ведь давно бросила, - отозвалась Алена, - но сегодня, пожалуй, сорвусь, - она взяла сигарету, чиркнула зажигалкой, и в кухне стало на один тлеющий красный огонек больше.

Было непонятно, куда подевался весь день – ведь встретились они только утром. Но перебирать и так будто похмельную память казалось в тот момент неоправданным садизмом, так что Вик решил просто поддержать разговор:

- Что сподвигло?

- Переболела год назад воспалением легких, побоялась осложнений и завязала. И, ты знаешь, как-то оно просто получилось. Даже почти без нервов.

- Да, ты у меня сильная девочка – в этом я никогда не сомневался.

- Как видишь, не настолько, - она повела рукой, обращая его внимание на зажатую в пальцах сигарету.

- Прости, что так плохо на тебя влияю...

Она невесело усмехнулась.

- И что накричал на тебя днем... Я вел себя как истеричный идиот и совершенно несправедливо на тебя сорвался.

- Я знаю, - тихо сказала она и, помолчав несколько секунд, продолжила, - Знаешь, я правда страшно за тебя перепугалась. Ведь именно сегодня я, наконец, поняла, как мне все это время тебя не хватало... И как ты мне дорог.

- То же самое – слово в слово – я могу сказать о тебе. Знаешь...

Она встала и, тепло улыбнувшись, вплотную приблизилась к нему. Ее руки легли ему на плечи, а он, обхватив за талию, притянул ее к себе. Она повернулась и через мгновение оказалась сидящей у него на коленях. Их лица сблизились и нежно соприкоснулись губами.

Две сигареты дотлевали в зеленоватой полупрозрачной круглой пепельнице, когда неподвижное слияние в объятьях начало расходиться волнами несущих возбуждение движений. Их эскалация вскоре привела к тому, что кухонного стула оказалось явно недостаточно, чтобы поддерживать равновесие, да и сохранять целостность несчастного предмета мебели, и Вик с Аленой, придя вместе в вертикальное положение, не расцепляясь, неровными движениями прошествовали сквозь коридор в единственную комнату.

Страсть захлестнула обоих, и ощущение реальности вернулось, лишь когда они – потные и обессиленные – лежали на спинах, уже пару десятков секунд остывая и успокаивая дыхание, еле уместаясь на неразобранном узком диване. Его рука, покрывая плечом ее грудь, безвольно спадала вниз, согнутая в локте.

- Прямо как в старые добрые времена, - наконец сказал Вик.

- Да... - на глубоком выдохе ответила Алена.

Дальше их диалог покинул семантическую форму сокращения голосовых связок и продолжился на уровне ощущений, мешая прикосновения с воспоминаниями, шум дыхания с голосами, эхом расходящимися в засыпающем мозге, сознание с подсознанием...

“Подсо-знание” - знакомая белая дверь была распахнута перед глазами Вика. Он, недоумевая, стоял в паре метров от нее, окруженный зеленью и льющим в уши

щебетом птиц.

- Заходи, раз уж пришел, - сказала Сим, неожиданно появившись по другую сторону дверного проема. На этот раз она была одета в короткую черную кружевную юбку и готичного вида топик.

Вик прошел внутрь и, провожая глазами ноги, проследовал за ней до сцены, на которую она – не прыгнула – вспорхнула одним движением. Выглядело эффектно и грациозно. Она нагнулась к нему и протянула руку с красивыми тонкими пальцами, увенчанными темно-бордовыми ногтями. Он взял ее руку и миг спустя оказался рядом с ней – в результате резкого и необычайно сильного ее движения.

- Не забывай, что это сон! Здесь все не так стабильно, как ты привык видеть наяву – как окружающие предметы, так и твои собственные способности. Научившись ими управлять, ты будешь господином своей сновиденной жизни. Но начать надо с рук.

- В смысле?

- В прямом. Ты, конечно же, не обратил внимание на то, что ни разу за этот сон, да и за прошлый, не посмотрел на свои руки. Думаю, сейчас этому самое время.

Она замолчала, и Вик медленно начал опускать взгляд, как вдруг резко отшатнулся. Сим самодовольно засмеялась.

- Знаю-знаю! Специально не предупреждала. Весело наблюдать, как новичкам сносит крышу.

Руки выглядели размытыми, пространство вокруг них будто бы искажалось, нефизиологически изгибая пальцы, количество которых тоже странным образом менялось, их концы словно бы растворялись в воздухе нарастающим эффектом прозрачности...

Дождавшись момента, когда Вик сумеет хоть как-то принять увиденное, Сим продолжила:

- Короче, суть: руки – ключ к контролю сновидения. Твое подсознание борется, не желая отдавать разуму область своей юрисдикции – вполне закономерная реакция самозащиты организма: при неумелом обращении последствия могут быть весьма плачевными.

- В смысле?

Он продолжал наблюдать свои руки, мысленно заставляя их принимать более статичные очертания, когда мир вокруг него вдруг наполнили неприятные скрежещущие звуки, а изображение пошло горизонтальными полосами, как при плохом сигнале телеканала на экране.

- В этом что ли?!.. Смысле?.. - он пытался перекричать стоящий вокруг шум.

- Нет, это... другой... случай! - ее голос прерывался, напоминая телефонный разговор, обремененный проблемами со связью, - Тебя пытаются разбудить... из этого места лучше уходить по правилам... ты должен побороть желание проснуться... руки... смотри на...

Его пугал такой процесс пробуждения, и он изо всех сил сконцентрировал внимание на руках, которые в разы сильнее прежнего боролись за право собственной аморфности. Напряженный поединок, казалось, мог длиться вечно, но, в конце концов, руки снова начали принимать вполне человеческую форму, а буря звуков и помех изображения – стихать, позволяя окружающему миру стабилизироваться.

- А ты молодец! - сказала Сим, - не ожидала, если честно. Устал?

- И да, и нет... Знаешь, концентрироваться сложно, но очень приятно и воодушевляет. Будто бы второе дыхание открывается!

- Все верно. Ты учишься работать с недоступными прежде источниками силы. Это всегда воодушевляет. Но, все-таки, старайся не переусердствовать – истощив привычные ресурсы, ты не сможешь вновь контролировать происходящее... Да оторвись ты наконец от своих бесценных рук! - гаркнула она на него, заметив, что объяснения не действуют.

- А, ну да, точно, - он отвел взгляд, и окружающее пространство стало менее четким – таким оно было до того, как он начал на них смотреть.

- В реале это тоже работает. Смотри на руки, и мир станет четче. Старайся всегда помнить об этом.

- Хорошо.

- А теперь тебе, пожалуй, пора. На сегодня урок окончен, - сказала она с несколько притворной строгостью.

- Значит, я теперь – ученик? - с усмешкой сказал он, стоя в дверях.

- Ну не учитель же!

Он вышел наружу и повернулся лицом к заветной надписи. Краски поплыли, растворяясь в пустоте, и он неспешно пробудился ото сна.

Было темно и прохладно. Он лежал в постели один.